

Возникновение клерикальной корпорации на Западе XI–XIII вв. и в России XVII–XVIII вв.*

Евгений Лютко

Диакон, приглашенный сотрудник Лаборатории исследования церковных институций,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Адрес: Лихов пер., д. 6, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация 127051
E-mail: e.i.lutjko@gmail.com

Традиционные христианские конфессии — например католицизм или православие — в исследовательской литературе, в современных законодательствах или же на уровне бытового сознания понимаются в первую очередь в качестве клерикальных корпораций. Это корпоративное прочтение современного Христианства оказывает влияние и на понимание самого феномена религии, как это происходит, например, в знаменитом эссе П. Бурдьё о «поле религии». Не в меньшей мере это прочтение обуславливает и восприятие христианства как исторического феномена, который в рамках подобной репрезентации предстает в качестве корпорации на любом отрезке своего исторического существования. В этой статье обосновывается утверждение, что «клерикальная корпорация» не является изначально присущей христианству формой социальной организации, а является историческим явлением, в разное время охватывающим различные конфессиональные контексты. Так, в частности, возникновение клерикальной корпорации фиксируется в рамках асинхронной сравнительно-исторической перспективы на примерах западноевропейского католицизма XI–XIII вв. и Русского православия XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: клерикальная корпорация, корпоративный сдвиг, Григорианская реформа, Синодальная реформа, русский раскол

Одним из наиболее проблемных аспектов гуманитарных наук является принципиальная несводимость опыта различных контекстов и затруднительность их обработки в рамках единой познавательной процедуры. Эта проблема в наибольшей степени ощутима, например, при применении европейского исследовательского концепта «религии» к опыту неевропейских духовных практик. Так, например, один из авторитетных социологов современности Пьер Бурдьё на раннем этапе своей карьеры также предложил свое понимание религии, которое не только повлияло на его позднейшие исследования (первое употребление концепта «поля»), но и стало одной из наиболее влиятельных концептуализаций религии в целом (Bourdieu, 1971). Многочисленные критики Бурдьё замечают, что в своем эссе французский социолог, в рамках описания универсального понятия «религии», экстраполировал даже не некий обобщенный «европейский опыт», но конкретный опыт католической Франции: очень особенный конфессионально-политический контекст, в котором Католическая церковь является, в сущности «религиозным

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10143). Организация выполнения проекта — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

монополистом» и противопоставлена «лаицизированной» гражданской бюрократии и интеллектуалам¹. Абстрагируясь от историко-биографического плана (влияние Церкви на юного Бурдьё и т. д.), в критических по отношению к Бурдьё теоретических исследованиях этот аргумент кристаллизуется как указание на принципиальное неразличение институциональной и не-институциональной религии (Dianteill, 2004; Rey, 2014).

В этом исследовании мы не преследуем цели решить проблему применения категории института в рамках изучения феномена религии. Обратим, однако, внимание на то, что своим эссе о «поле религии», безусловно, ставшим классическим не только «социологическим», но и «религиоведческим» исследованием, Бурдьё артикулировал определенную «эпистемологию религии», которая отчасти базировалась на его исследовательском, а отчасти на бытовом опыте: «Формирование поля религии является результатом монополизации корпорацией специализированных служителей культа права сношения со сверхчувственным миром» (Бурдьё, 2005: 19)². В этом определении *институциональной* (допустим эту оговорку, несмотря на то что ее не делает Бурдьё) религии кристаллизуется опыт ее критического восприятия, который восходит к Марксу, или даже к философам эпохи Просвещения. И ключевым — *конфликтным* — словом здесь является понятие «корпорации», наличие которого обозначает присвоение капитала определенного типа, осуществленное ограниченным кругом связанных между собой лиц. Однако является ли эта «корпоративная оптика» универсальным инструментом рассмотрения религии как исторического феномена? Учитывая, что она формовалась по преимуществу как рефлексия европейского христианства, можем ли мы сказать, что она способна охватить исторический феномен Христианства? Или, иначе говоря, можем ли мы предположить, что христианство — по преимуществу характеризуется наличием «корпорации религиозных специалистов», осуществляющих владение «религиозным капиталом»? В этой статье мы попытаемся обосновать отрицательный ответ на этот вопрос. И предложим тезис о «корпоративном сдвиге», который может быть выявлен в истории Христианства в рамках различных территориально-политических контекстов. Мы укажем на изоморфизм процессов, характерный для западноевропейского Христианства XI–XIII вв. и России XVII–

1. Бурдьё экстраполировал свой опыт взаимодействия с Католической церковью на свою концептуализацию религии (см.: Turner, 2011: 230). Тернер там же, деликатно оправдывая Бурдьё, замечает, что само понятие «социологии религии» во французском контексте было инструментом церковной социологии: посещение богослужений, численность приходов, клира и т. д. (см. также: Ситников, 2017).

2. Перевод смысловой. См. оригинал: «En tant qu'elle est l'aboutissement de la monopolisation de la gestion des biens de salut par un corps de spécialistes religieux, socialement reconnus comme les détenteurs exclusifs de la compétence spécifique qui est nécessaire à la production ou à la reproduction d'un corpus délibérément organisé de savoirs secrets (donc rares), la constitution d'un champ religieux est corrélative de la dépossession objective de ceux qui en sont exclus et qui se trouvent constitués par là même en tant que *ïaïcs* (ou profanes, au double sens du terme) déposés du capital religieux (comme travail symbolique accumulé) et reconnaissant la légitimité de cette dépossession du seul fait qu'ils la méconnaissent comme telle» (Bourdieu, 1971: 300–301).

XVIII вв., позволяющий говорить об асинхронном становлении «корпорации религиозных специалистов» в рамках европейского христианства.

Однако прежде чем приступить к решению этой задачи, мы начнем с определения понятия «корпорация». В этом исследовании корпорация понимается как *социальная структура, объединяющая многих, но функционирующая как единство*³. В свою очередь, «антонимом» корпорации в случае этого исследования будет пониматься феномен *группы* как множества индивидов, не объединенных ничем, кроме схватывающего их исследовательского объекта⁴.

Критерии сравнения

Как уже было сказано выше, в этом исследовании мы планируем провести асинхронное сравнительно-историческое исследование процессов становления церковной корпорации⁵ на Западе XI–XIII вв. и в России XVII–XVIII вв. Естественно, встает вопрос об изначальной правомочности подобного подхода — ведь к различиям политического, культурного и социального контекстов прибавляется еще и хронологический фактор, что грозит окончательно лишит основания попытку увидеть какую-либо структурную изоморфность социальных процессов⁶. Вместе с тем нельзя не упомянуть о довольно развитой традиции говорить об отношениях между обобщенными «Западом» и «Россией» с использованием категории «отставание». Такая эпистемологическая установка (истоки которой можно обнаружить еще в мысли т.н. «западников» в рамках дискуссий XIX в.) и соответствующий ей исследовательский подход реализуется в выявлении и сравнении тех или иных

3. Мы отталкиваемся от классической работы американского правоведа Р. Л. Раймонда, где он, в частности, отмечает: «The germ of the corporate idea lies merely in a mode of thought; in thinking of several as a group, as one» (Raymond, 1906: 350).

4. В этом смысле термин «группа» в данном исследовании приближается к понятию «условной или формальной группы», принятому в психологических исследованиях. В случае как с восточным, так и с западным контекстами мы можем столкнуться с приложением к исследуемым нами корпоративным реалиям категории «сословие». Мы в данном исследовании принципиально стремимся абстрагироваться от этой оптики. Во-первых, в силу того, что *ordo* на Западе и «сословие» на Востоке не могут рассматриваться в качестве синонимов ни в языковом, ни в юридическом смысле. Прежде всего потому, что Западный контекст, по причине священнического celibата, не предполагал передачи статуса по наследству. Во-вторых, представление о «сословии», применительно к русскому контексту, является остро дебатлируемым понятием «хронологический диапазон», к которому различные исследователи относят генезис духовного сословия, варьируется от конца XVII века (Стефанович, 2002: 231–232) до середины XIX (Freeze, 1977: 18–19), и нам не хотелось бы включать эту дискуссию. Именно по этой причине в данной статье используется максимально инструментальное понятие «корпорации».

5. Термины «церковная корпорация», «клерикальная корпорация» и «корпорация религиозных специалистов» употребляются здесь как синонимы.

6. В частности, асинхронная сравнительная перспектива во многом заставляет «двигаться по целине» и оставлять без внимания построения, устанавливающие связи в рамках синхронного сопоставления. А такие подходы имеют место. Так, например, оптика «дисциплинаризации», применяемая к процессам на Западе XVI–XVII вв. (Gorski, 2003), как показывают исследования, вполне применима и к российскому контексту (Живов, 2012). Однако, как мы показываем в этой статье, синхронное сравнение не исчерпывает возможности компаративистского метода.

процессов в России и на Западе, относящихся к различным этапам исторического развития⁷. В случае этого исследования мы не можем окончательно «примкнуть» к подобной исследовательской перспективе в силу ее изначально «оценочного» характера (что выражается в самом употреблении понятия «отставание» — будь то попытки «осудить» или «оправдать»). Вместе с тем мы находим ее убедительным обоснованием для принципиальной возможности выявления асинхронных социально-исторических изоморфизмов, наличие которых отнюдь не позволяет давать однозначные оценки, но, напротив, указывает на всю сложность и многофакторность сравнительно-исторической перспективы.

Сравнительное исследование требует от нас установки критериев, при помощи которых мы будем устанавливать соответствие исследуемых контекстов. Мы обозначим их, отталкиваясь от предложенного выше определения понятия корпорации. «Множество, функционирующее как единство» на самом первичном уровне «демонстрирует» единство в языке — то есть искать мы будем следующее — это 1) *самоописывающее понятие* — момент зарождения корпорации, когда группа впервые оказывается на уровне риторики объединена единым наименованием. 2) Вторым «объединительным» элементом, в ситуации дискурсивного единства, обеспеченного самоописывающим понятием, является *«корпоративная повестка»* — то есть то, что объединяет корпорацию в исторической или, если угодно, в политической плоскости. 3) Наконец, третьим критерием становления корпорации является, момент распознавания в корпорации способности к трансформации в «худшую» или «лучшую» сторону, то есть ее способности «лучше» или «хуже» справляться с корпоративной повесткой, в зависимости от систематических мер воздействия — иными словами, *«способность к реформации»*⁸.

Самоописывающее понятие

Средневековый Запад

Вопрос о том, когда на средневековом Западе духовенство было распознано в качестве единой группы, является дискуссионным, то есть предполагает уточнение, в зависимости от которого ответ может варьироваться от VI до XII веков. Как отмечают исследователи, в III–VI вв. как на Востоке, так и на Западе обобщающее абстрактное понятие о духовенстве как группе практически не используется (Faivre, 1983: 220; Hübner, 2005: 26). Только в текстах Исидора Севильского (560–636) на-

7. После В. О. Ключевского, возможно, первого, кто предложил серьезное теоретическое обоснование для перспективы «отставания», наиболее ярким представителем этого исследовательского направления может быть Б. Н. Миронов. См. его обобщение истории «модернизации» в России с отсылками к сравнительной перспективе (Миронов, 2015).

8. Российский контекст является гораздо менее изученным, нежели западноевропейский, поэтому там, где, при разговоре о Западе мы можем обойтись ссылкой на соответствующую литературу, применительно к России требуется аргументация, имеющая опору в источниках. Этим обуславливается диспропорция между «западной» и «восточными» составляющими этого асинхронного сравнительно-исторического наблюдения.

мечается систематизация и стабилизация «клерикальной общности» (*clerus*), что, впрочем, все еще не означает перехода к характерному для современности техническому использованию понятия «духовенство» (Биркин, 2018: 34, 40).

Однако более выраженным терминологическим проявлением концентрации клерикальной корпорации является трансформация понятия *ecclesia*, которая происходит в начале второго тысячелетия. Если ранее понятие *ecclesia* предполагало всеобщность христиан, а *Ecclesia Romana* обозначало конкретную поместную церковь, наиболее значимую среди прочих церквей (как Востока, так и Запада), то уже в посланиях папы Григория VII (ок. 1020–1085) устанавливается иная топография: актуализируется понятие *christianitas*, которым обозначается общность христиан, понятие же *ecclesia* с этих пор по преимуществу используется для обозначения клерикальной корпорации (см.: Ladner, 1947: 410–412).

Похожим образом, и это особенно актуально для этого исследования, трансформируются понятия *Corpus Mysticum* и *Corpus Christi*. Первоначально *Corpus Mysticum* — это богословский термин, относящийся к Таинству Евхаристии, в то время как *Corpus Christi*, в соответствии с терминологией ап. Павла, относилось к Церкви. Начиная с XII вв. термины, по сути, меняются местами: *Corpus Mysticum* переходит к обозначению Церкви, а евхаристическое Тело Христово обозначается как *Corpus Christi Verum* (Lubac, 1949: 117–119). Исследователи интерпретируют стремление подчеркнуть связь церковной корпорации с таинственной жизнью Церкви как средство заявить особые «политические» права ее земного главы — Римского понтифика (Ladner, 1947: 414–415). Как бы то ни было, только очень ярко выраженный «корпоративный интерес» мог заставить пойти на такую существенную трансформацию ключевой богословской терминологии. В этом смысле новое прочтение таких понятий, как *ecclesia* и *Corpus Mysticum*, свидетельствует о том, что церковная корпорация, «примеряющая» эти понятия в качестве своих денотатов, переживает стремительную концентрацию. Именно эта богословская трансформация сделала возможным решительный шаг к вершине средневековой эклезиологии — провозглашению тождества между Церковью в богословском смысле и ареалом власти Римского понтифика, выразившейся в булле «Unam Sanctam» в 1302 г. (Lubac, 1949: 13).

Россия Нового времени

В отличие от западного материала, вопрос о церковной корпорации в Русском контексте не исследован ни на историко-понятийном, ни на семантико-символическом уровне⁹. Однако надо отметить, что в источниках до XVII века мы не на-

9. Здесь имеются в виду исследовательские, преимущественно исторические проекты, так или иначе фокусирующиеся на языковых трансформациях, прежде всего «история понятий» Козеллека и «истории политических языков» Покока. В этом исследовании мы предпринимаем попытку «анализа языковых форм исторического самосознания политических обществ», то есть больше примыкаем к традиции Джона Покока. (См.: Атнашев, Велижев, 2015: 26.)

ходим понятия, которое бы устойчиво соответствовало современному понятию «духовенство» или распространенной «корпоративной» коннотации понятия «церковь»¹⁰.

«Архиепископы и епископы, архимандриты и игумены, и пустынники, и духовные старцы, и протопопы, и попы, и со всеми освященными соборы всего нашего российского царствия» (Базиле, Юрасов, 2018: 52) — таким образом предстает российская церковная иерархия в деяниях Стоглавого собора (1551). Если попытаться систематизировать словоупотребление различных наименований духовенства, то необходимо заметить, что 1) не существует единого понятия, объединившего бы все уровни и типы духовенства. 2) Центральным элементом является «освященный собор», в зависимости от ситуации к нему добавляются чины: «архиепископы и епископы» и т. д.; представленная выше формулировка была, судя по всему, наиболее полной. Самым распространенным обозначением второй ступени священства является обозначение «попы», два раза, судя по всему, в синонимичном значении встречается понятие «клирицы» (Базиле, Юрасов, 2018: 226). Понятие «священнический чин» является устойчивым, хотя его коннотация чаще всего предполагает понятие о состоянии, лишь в редких случаях — понятие о группе.

Понятие «духовные» в собирательном смысле использует Иван Грозный в переписке с Курбским (вторая половина XVI в.), впрочем, имея в виду прежде всего высшее духовенство (Лихачев, 1979: 30). В другом месте, описывая злодеяния Романа Галичского, Иван Грозный говорит о его преступлениях против «игуменов, и попов, и чернцов» (Там же: 17). Во «Временнике Ивана Тимофеева» (начало XVII в.) встречается собирательное понятие «духовные» (Адрианова-Перетц, 1951: 43), «священные» (Там же: 151), триада «священные — иноки — бельца» (Там же: 78), а также оппозиция «священные — простые» (Там же: 53)¹¹.

Мы не знаем точно, когда в языке появляется понятие «духовный чин» — первое выражение, «схватывающее» церковную иерархию воедино, однако в «Соборном уложении» (1649) оно встречается дважды. И оба вхождения относятся к главе

10. В этом разделе, исследуя русский контекст, мы не обращались к категории «церковь», что, казалось бы, напрашивается, особенно учитывая, что выше мы рассматривали семантическую трансформацию этого понятия на Западе. Понятие «церковь» (в значении «собрание верующих во Христа, христианская Церковь» (Срезневский, 1893: 1446)), безусловно, было воспринято на Руси из византийского интеллектуального контекста (так, из 8 примеров, выделенных Срезневским для иллюстрации указанного значения, только 2 относятся не к переводной литературе). Однако выраженная полисемичность этого понятия в период XII–XVII вв. (Срезневский выделяет 10 значений) и отсутствие исследования по его употреблению в этот период заставили нас обратить внимание на иные «самоописывающие понятия» для прояснения выдвигаемой в тексте гипотезы. Что касается более позднего периода, то анализ словоупотребления в рамках XVIII–XIX веков привел нас к выводу, что корпоративное прочтение понятия «церковь» в русском контексте становится устойчивым лишь в начале XIX века (Лютко, 2019).

11. Примечательно, что понятие «церковь» не встречается во «Временнике» в корпоративном смысле. Только в классическом значении религиозного сооружения и в характерном для средневекового употребления понятии «религия», «религиозное благочестие»: «Се глаголю не яко бы церковью царя яко играти якоказушу, но самоизвольную его о вере твердость известую, паче же нестоящих бежанье обнажаю, вере сих слабость» (Адрианова-Перетц, 1951: 16).

о «Монастырском приказе» (Софроненко, 1957: 186–187). Как отмечают исследователи, учреждение «Монастырского приказа» ознаменовало подчинение духовенства (кроме патриарха) государству, действующему через институт (Горчаков, 1868: 69; Cherniavsky, 1966: 6, Скрипкина, 2014: 5–6). Учитывая данные, которые мы только что выявили — а именно возникновение при разговоре о «Монастырском приказе» единого понятия о духовенстве, — мы могли бы сказать, что государство не просто «подчинило» себе церковь как некий объективно существующий институт. Скорее речь может идти о том, что государство «распознало» общность «духовного чина», которая в дальнейшем подлежала все более последовательному государственному подчинению.

Таким образом, стабилизация понятия «духовный чин» является языковым отражением социальной трансформации, которую П.С. Стефанович назвал «становлением духовного сословия» (Стефанович, 2002: 231–232). Само понятие «духовное сословие» не встречается в языке ранее первой половины XIX в. (Freeze, 1977: 18–19), однако если учесть, что социальное явление может начать формироваться задолго до возникновения описывающего его понятия, по сути, это наблюдение корректно. Возникновение представления о социальной связанности представителей церковной иерархии между собой, их обособленности в среде прочих социальных групп явилось фундаментом для того явления, которое через более чем два века получит наименование «отношений церкви и государства».

Понятие о духовном чине на многие десятилетия останется нормативным обозначением для церковной иерархии, оно используется в Духовном регламенте, о нем же говорится в Духовно-учебном уставе 1814 г. Однако в XVIII в. в русском языке появится слово, которое до сих пор является самым емким самоописывающим понятием для священнослужителей всех уровней.

Понятие «духовенство», вероятнее всего, является заимствованием из польского языка (*duchowieństwo*) и не встречается непосредственно в русских текстах в современном «корпоративном» смысле вплоть до XVIII в.¹² Редким прецедентом употребления этого слова является фраза из церковно-славянского перевода Толковой Псалтири Брюнона (1535), где понятие «духовенство» использовано для перевода латинского *religione*, которое может быть переложено на современный русский как «вера», «религия» или «благочестие» и не имеет прямого отношения к духовенству как группе: «Тяжчаише есть пред Богом, аще в его *духовенстве* согрешитися» (Бархударов, 1977: 381). Понятие о «духовенстве» использует Посошков (1724), однако оно еще не вполне соответствует современному значению — речь идет скорее о современном понятии «священство» (как форме деятельности): «Аще книга „Отеческаго Завещания“ принята к печати будет, еже аз сыну своему, Николаю, сочиних, то надлежит готовящемуся во презвитерство и ее дать читать, понеже тамо положено отчасти, как презвитеру *духовенство* свое вести» (Посошков, 1937: 113). Спустя год после предполагаемого написания текста Посошкова,

12. Словарь XI–XVII вв. предлагает единственное упоминание в современном смысле: цитата послания Папы к польскому королю из Львовской летописи (1438 г.) (Бархударов, 1977: 381).

в «Описании порядка, держанного при погребении» Петра I» архиеп. Феофана (Прокоповича), духовенство появляется уже в привычном нам смысле и далее постепенно входит в обиход (Прокопович, 1725: 2).

Корпоративная повестка

Говоря о корпоративной повестке, мы имеем в виду не только само знание, которое, становясь «корпоративной повесткой» неизбежно переживает унификацию, но и возникновение того инструментария, при помощи которого осуществляется трансляция этого знания от центра к периферии.

Средневековый Запад

Эпоху Григорианской реформы иногда называют «первой европейской революцией» (Ullmann, 1970; Cantor, 1994; Leyser, 1994; Cushing, 1998; Moore, 2000; Verderber, 2013). Одним из элементов этой революции было возникновение системы подготовки клириков. Первые попытки решить этот вопрос централизованно, относятся к XII в., IV Латеранский собор, который может быть назван «пастырским собором», зафиксировал акцент на этой проблематике (Ryan, 1984: 172), но только изданная в 1298 г. конституция «Cum ex eo», как кажется, достигает ощутимого результата (Boyle, 1962: 264). В соответствии с этой конституцией ставленники, уже посвященные в младшие клирикальные степени, могли покидать свои приходы для обучения в университете на полном обеспечении епархии. Условием получения епархиальной стипендии было последующее рукоположение. Хотя конституция прямо не предполагала этого, подчас возможность отлучиться от своего прихода и получить университетское образование имели даже действующие священники (Rodes, 1977: 160; Bellito, 2009: 40).

Конституция во многом трансформировала имущественные отношения внутри епархии — в этом смысле она опиралась на уже существующий корпоративный консенсус в среде епископата, ведь, с одной стороны, образование будущих клириков осуществлялось за счет тех средств, которые ранее были бы изъяты в пользу епархии, а с другой, места получения образования — университеты — были в значительной степени независимы от епископа, и соблюдение епископатом условий этой конституции (а оно зафиксировано в историографии [см.: Boyle, 1988])¹³, в сущности, свидетельствовало о преодолении «феодалного» формата епархиальных отношений.

Кроме того, конституция была революционной в плане унификации «нормы», формирования и, что более важно, распространения представлений о должном и не должном поведении клириков. С одной стороны, содержание образовательной программы не уточнялось (в отличие от тридентского постановления

13. Хотя высказывается и критический взгляд на конституцию, в соответствии с которым представление о ее эффективности является преувеличенным (Haines, 1969; Rodes, 1977: 160).

о семинариях), но с другой, сам факт институционализированного приобщения к университетскому куррикулуму преобразовывал сообщество клириков. Образованные священнослужители становились носителями нормативного понимания *cura pastoralis*, лежащего в основании церковно-корпоративной повестки, которую они, на правах местных экспертов, распространяли в среде своих сослужителей, не имевших университетского образования (Shinners, 1988: 405).

Другим «инфраструктурным» инструментом распространения корпоративной повестки стали тексты, для обозначения которых в 1950-е гг. Л. Бойл ввел понятие *pastoralia* — своего рода священнические инструкции, призванные повысить уровень образования духовенства¹⁴. Учитывая, что авторами этих текстов были университетские профессора¹⁵, то есть те, кто должен был учить будущих и действующих клириков в соответствии с «*Cum ex eo*», в распространении этого жанра видится реализация попытки сделать университетское учение о пастырстве доступным для широких групп клириков.

Россия Нового времени

Как в случае со Средневековым Западом, в России Нового времени мы наблюдаем зарождение регулярного клерикального образования и возникновение специальной литературы, посвященной обязанностям священнослужителя. О систематическом образовании клириков как реальной перспективе впервые речь заходит в самом начале XVIII века. Перед смертью патриарха Адриана в 1700 г. молодой царь Петр обращается к нему со следующими словами: «Священники ставятся, грамоте мало умеют, еже бы их таинств научати и ставити в той чин. На сие надобно человек и не одинаго, кому сие творити; и определить место, где быти тому» (Воскресенский, 1945: 33).

«Духовный регламент» предполагал учреждение епархиальных семинарий (Духовный регламент, 2014: 334–344), которые, впрочем, далеко не сразу стали пользоваться популярностью среди детей духовенства. Даже в 1776 г. в Москве только около 100 священников имели семинарское образование (Freeze, 1977: 103). В течение XVIII в. сеть образовательных учреждений для детей духовенства (а именно они рассматривались в качестве кандидатов в клир) развивается, и вскоре после духовно-академической реформы 1808–1814 гг. число образованных священников достигает 50%¹⁶.

В конце XVII века в России появляется первое сочинение, которое было опубликовано как нормативный текст для всех священнослужителей Московского государства, — «Учительное известие» (1699) (Служебник, 1705). Несмотря на то

14. О средневековой *pastoralia*: Boyle, 1985; Goering, 2010.

15. См., например, о труде Уильяма из Пагулы (ум. 1332) «*Oculus Sacerdotis*», который стал самым популярным учебником для английского духовенства: Boyle, 1995.

16. Так, известно, что в 1835 г. 42%, а в 1860 г. 82% священников в Российской империи являлись выпускниками семинарий (Freeze, 2014: 156–159).

что сам текст «Известия» имел вполне прослеживаемую генеалогию и историю (Петровский, 1911), опубликован он был именно как первый текст, обязательный для всей клерикальной корпорации, для всех, кто участвовал в совершении Божественной Литургии. Впоследствии подобным же текстом стала книга «О должностях пресвитеров приходских (1776)» (Конисский, 2004).

Примечательно, что, являясь асинхронным процессом, становление клерикальной корпорации на Западе и Востоке характеризовалось одним и тем же «жестом»: возникновением системы дистрибуции нормативных текстов. Только если в случае с Западом речь еще не могла идти о дистрибуции единого печатного «образцового» текста (как кажется, именно с этим связан феномен многообразных *pastoralia*), то в России к концу XVII в. уже имелась возможность использовать более эффективные способы публикации — печатный станок.

Объект реформы

Средневековый Запад

Становление церковной корпорации на Западе начиная с XI в. сопровождается трансформацией идеи «реформы» и возникновением ее современного понимания — как «объединяющего призыва к действию» (Kieckhafer, 1988: 285)¹⁷. Именно тогда возникает современное представление о реформе как «прогрессивной» трансформации, «обновлении к лучшему» (*reformatio in melius*). В эпоху папы Григория V раскрывается пространство того, что исследователи называют «риторикой реформы», т. е. артикуляция всевозможных несовершенств и способов их преодоления, сочетающаяся с призывами обратиться к апостольским векам для поиска образца¹⁸. Положение духовенства (широкий перечень вопросов, начиная от клерикального celibата и проблем образования и заканчивая отъемом права на ношение оружия) является ключевой темой для этой риторики. Риторика реформы как проявление клерикальной корпорации обретает наиболее последовательное выражение в начале XV в., когда объектом реформы впервые начинает мыслиться сама Церковь, как это происходит, например, в проекте Пьера Д'Альи «De reformatione Ecclesiae» (Pascoe, 2005).

Россия Нового времени

Если мы хотим схожим образом проследить связь между становлением клерикальной корпорации и терминологической трансформацией, нужно иметь в виду, что само понятие «реформа» (равно как и его ближайшие синонимы «преобразование» и «усовершенствие») в современном смысле в русском языке начинает упо-

17. «Rallying cry for action». Ср. с пониманием концепта реформы в первом тысячелетии: Ladner, 1959.

18. О риторике реформ см. одноименные главы книг: Constable, 1998: 125–168; Cushing, 2005: 111–139.

требляться только в самом конце XVIII в. Вместе с тем аналогичную или в значительной степени схожую трансформацию в русском языке переживает понятие «исправление». Это понятие встречается в языке до XVII в. во множестве значений, одним из которых было «улучшение» (в том числе в том значении, в котором используется современное слово «реформа»), т. е. то значение, которое станет одним из двух нормативных в XVIII и XIX вв., и то, которое со временем вовсе уйдет из языка¹⁹. Именно «исправление» как «улучшение» — в самом техническом смысле (как улучшение институтов, сообществ) — в конце XVIII в. заменяется понятием «реформы». Таким образом формируется современная сетка понятий, связанных с «исправлением».

Возвращаясь к XVI–XVII вв., необходимо заметить (и удерживать во внимании), что, как и *reformatio* до XII в., «исправление» в этот период является не конкретным понятием, а скорее языковым инструментом-вектором, обозначающим устремление чего бы то ни было в первоначальное, должное состояние (Бархударов, 1979: 290–291)²⁰. Вместе с тем в эпоху Раскола, хотя мы еще не видим закрепления характерных для XVIII в. языковых значений понятия «исправление», можно заметить то, что без всяких сомнений может быть названо возникновением «риторики исправления».

Один из ярких текстов эпохи, по большей части посвященный «исправлению» в самом широком смысле, — окружное послание ростовского митрополита Ионы, одного из наиболее авторитетных иерархов эпохи, от 1652 г., где, возможно, впервые «исправление» связывается с конкретными элементами корпоративной повестки: в рамках «исправления» священники призываются наставлять паству²¹. «Исправление», таким образом, предстает не в качестве пожелания монарха (или предложения монарху), предпринятого монархом (как это было, например, в тексте Стоглава²²), но в качестве определенной программы, разворачивающейся на различных уровнях иерархического подчинения.

Впрочем, настоящим поэтом исправления, переведшим интенсивность дискуссии об этом явлении на новый уровень, заслуженно считают патриарха Никона. Именно в его лексиконе появляется фраза «исправление духовных дел»: «В прежних, де, давних летех ко благочестивым царем христианским греческаго царствия о *исправлении духовных дел* и пустынницы возвещали, а он, де, уд соборные и апостольские церкви ни за какие вины не отторгнутый, толко своею волею оставил

19. Русско-немецкий словарь 1776 г. дает два перевода слова «исправление» — «verbesserung» и «coгgestug» (Гельтергоф, 1771: 395). Современный Толковый словарь С. А. Кузнецова практически не позволяет истолковать «исправление» как «улучшение» (Кузнецов, 2000: 402).

20. См. подробный анализ взаимоотношения значений «reformatio» и «исправления» для раннего Нового времени (Гришин, 2009). Е.С. Гришин развивает эту тему в диссертации (Grishin, 2017: 31–32).

21. См. подробнее: Michels, 1999: 107.

22. «и бе чудно зрение, яко весь богоспасаемый град красящися отец пришествием, Богу бо тех подвигшу на исправление церковное и на утвержение православные веры» (Базиле, Юрасов, 2018: 40).

паству, а попечения о истин не оставил, и впредь о каком *духовном деле, требующем исправления*, услышит, молчать не учнет» (Гиббенет, 1882: 192)²³.

Е. С. Гришин замечает, что, несмотря на то что «справы» проводились и раньше, именно Никон в позднейшей историографии впервые именуется реформатором. По его мнению, здесь имеет место аналогия с западным контекстом — реформатором называют того, чья деятельность привела к разделению (Гришин, 2009: 29). Развивая эту мысль и учитывая, что инструментализация понятия *reformatio* (во всяком случае ее первый этап), как было показано выше, относится к XI–XIII вв., мы могли бы предположить, что реформатором может быть назван тот, кто создает «корпорацию», то есть то «тело», от чего впоследствии можно «отделиться». Если вспомнить тот факт, что Григорианская реформа сопровождалась оформлением великого раскола 1054 г., изоморфизм становления «церковной корпорации» на Западе и Востоке становится ясно различимым: в основании бытия корпорации лежит момент расхождения с теми, кто по тем или иным причинам (оправданным или не оправданным с богословской точки зрения) не желает оказаться «инкорпорированным», раскол и корпорация — это сопровождающие друг друга явления²⁴.

«Духовный регламент» стал первым законодательным документом, на уровне программы провозглашавший *«исправление»* как политическую программу:

Между многими, по долгу Богоданный Нам власти, попеченьми о *исправлении народа Нашего*, и прочих подданных Нам Государств, посмотри и на духовный чин, и видя в нем много нестроения и великую в делах его скудость, не суетный на совести Нашей возымели Мы страх, да не явимся неблагодарни Вышнему, аще толикая от Него получив благопоспешества во *исправлении как воинского, так и гражданского чина, пренебрежем исправление и чина духовного*. (Сперанский, 1830, т. 6: 314)

Здесь необходимо заметить, что именно из текста об «исправлении чина духовного», принадлежащего перу ключевого автора эпохи — арх. Феофана (Прокоповича), прочие «чины» империи впервые узнавали о том, что и они ранее были подвергнуты «исправлению». Ведь до «Духовного регламента» понятие об «исправлении» в столь откровенно «реформаторском» значении нигде не встречается

23. Таким образом Никон отвечал на замечание от царя «письмами своими возмущати недостойт» весной 1659 г.

24. По мнению Михелса, одного из наиболее авторитетных исследователей этого вопроса на сегодняшний день, причина раскола заключалась не столько в конкретных мерах, предпринимаемых реформаторами, сколько в новом стиле управления, который они практиковали: «It appears that the Russian Schism resulted from official church policies. By suddenly and drastically intruding into age-old local and personal autonomies, the Church generated popular opposition to its reforms. Rejection of the Nikonian reforms was therefore largely a response by communities as well as individuals to the Church's insistence on controlling the religious affairs of Muskovy's hinterlands» (Michels, 1999: 220). Впрочем, кажется важным отметить, что это исследование не должно быть интерпретировано как поиск причин расколов 1054 и 1650-х гг. в Европе и России. То, что мы можем констатировать, так это хронологическое совпадение становления корпоративности и факта церковного раскола.

в текстах законодательного характера²⁵. Таким образом, «Духовный регламент» не может быть рассмотрен как сугубо «церковный» или «духовный» документ, каким он, как правило, рассматривается в церковно-исторической литературе. Это был один из текстов, внедрявших новые политико-философские конструкты в ткань российского законодательства, и, вероятно, одним из наиболее значительных был концепт «исправления», в том значении, в котором он позднее будет использовать понятия «реформы/преобразования/усовершенствования». Впрочем, еще более значимым кажется то, что первым объектом, в отношении к которому эта реформаторская риторика впервые применяется в Российском контексте, был духовный чин — церковная корпорация.

Заключение

Подводя итог исследованию, мы можем констатировать наличие изоморфизма между Средневековым Западом и Россией Нового времени в процессе становления церковной корпорации. Говорить об этом изоморфизме можно исключительно осторожно, оговариваясь, что речь не идет о традиционной «синхронной» сравнительно-исторической перспективе. Указанный изоморфизм был прослежен на трех уровнях: церковная корпорация обнаруживается как 1) обозначающее ее понятие, 2) она получает корпоративную повестку, 3) она становится первым социальным объектом, который может быть подвергнут трансформативному преобразованию в сторону качественного улучшения: «*reformatio*» или «исправления».

Описание процесса становления клерикальной корпорации (особенно в случае Средневекового Запада), таким образом, позволяет «историзировать» критико-социологическое понимание религии и предположить связь между приобретенным корпоративным характером Католической церкви во втором тысячелетии и той религиоведческой оптикой, которая возникает в XIX веке (и носителем которой являлся П. Бурдьё).

С другой стороны, после проведенного исследования мы можем констатировать несводимость становления клерикальной корпорации к одному образцу: несмотря на выявленные сходства (а именно им было посвящено исследование), существовали и значительные различия в протекании этого процесса. Так, кроме того, что указанный процесс имел место в контексте разных эпох (то есть не был исторически синхронным), мы видим, что «лидеры» корпоративной концентрации различались на Западе и Востоке: если на Западе это был римский пон-

25. Так, еще в 1714 г. понятие «исправление» употребляется в нехарактерном для современного языка значении «назначение» или «мероприятие»: «Из тех взятых денег, что в расход порознь и по каким указам и на какие дачи и всель те деньги употреблены в расход, в каждое *исправление*, на которое они собираются...» (Сперанский, 1830, т. 5: 83); в 1716 г. в значении «совершенство; осуществление»: (из архиерейской присяги) «обещаваюся... посещать же не ради лихоимания и чести, но Апостольски и во Господе, како пребывают вервии в вере и во *исправлении* дел благих» (Там же: 194). Таким образом, если указанное понятие и используется до 1721 г., то гораздо чаще в своих более архаичных значениях, нежели в том, в котором оно будет преимущественно пониматься в XVIII в.

тифик, то в России роль монарха была значительной, если не решающей. Это обстоятельство связано с тем, что, несмотря на развитие гражданской бюрократии в XVIII–XIX вв., монарх в России никогда не мыслился в качестве исключительно «светского» правителя. Эта эkkлесиологическая предпосылка (которая до сих пор подчас мыслится через категорию «цезаропапизма») обуславливает значительное затруднение, которое возникает при попытках сопоставлять католическую и православную эkkлесиологии и политические теологии²⁶.

Проведенное исследование позволяет также задаться вопросом о соотношении силы и глубины «корпоративного сдвига», затронувшего церковную иерархию на Западе и Востоке. Несмотря на то что более подробное исследование этого вопроса — дело будущего, можно предположить, что клерикальное безбрачие, утвердившееся на Западе в результате Григорианской реформы, делает черты клерикальной корпорации на Западе «рельефнее», чем более поздний и менее радикальный процесс на Востоке²⁷.

Проведенное исследование может также стать основанием для более взвешенного подхода к сравнению различных конфессиональных контекстов. Так, в частности, понятия «клерикализм» и «антиклерикализм», являющиеся значимыми элементами дискуссии о религиозных вопросах как в традиционно католических странах Запада, так и в России, не могут быть свободно переносимы из одного контекста в другой именно в силу различных траекторий становления клерикальной корпорации и, соответственно, различных характеристик, которые эти корпорации имеют на сегодняшний день. Если на Западе под «клерикализмом» понимается обособленность клерикальной корпорации и монополизация власти в области тех или иных церковных решений (Чёрный, 2018), то в России понятие о «клерикализме» используется как недовольство исключительными отношениями между светскими и церковными лидерами, в ситуации, когда последовательное разграничение между сакральным и секулярным никогда (за исключением советской эпохи) в действительности не было востребовано ни одной из сторон.

Литература

- Адрианова-Перетц В. П.* (ред.). (1951). *Временник Ивана Тимофеева*. М., Л.: Изд-во АН СССР.
- Атнашев Т., Велижев М.* (2015). Context is king: Джон Покок-историк политических языков // *Новое литературное обозрение*. Т. 134. № 4. С. 21–44.
- Базиле М., Юрасов А. В.* (ред.). (2018). *Стоглав: Тест. Словоуказатель*. М., СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив.
- Бархударов С. Г.* (ред.). (1977). *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 4: Г — Д). М.: Наука.

26. См. о сакральности царской власти в России: Cherniavsky, 1961; Бежанидзе, 2011.

27. Вплоть до гипотезы о формировании в результате Григорианской реформы «третьего гендера» (third gender) (Swanson, 1999).

- Бархударов С. Г.* (ред.). (1979). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6: Зипун — Иянуарий. М.: Наука.
- Бежанидзе Г. В.* (2011). Представления о сакральности царской власти в Русской церкви в Новое время // Русское богословие: традиция и современность. Вып. 1. М.: Изд-во ПСТГУ. С. 75–89.
- Биркин М. Ю.* (2018). Принципы формирования идентичности клира в трактате «О церковных службах» Исидора Севильского // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. № 83. С. 26–47.
- Бурдые П.* (2005). Генезис и структура поля религии / Пер. с фр. О. И. Кирчик // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя. С. 7–74.
- Воскресенский Н. А.* (1945). Законодательные акты Петра I. Том 1. М., Л.: Изд-во АН СССР.
- Гельтергоф Ф.* (1771). Российской Целлариус, или Этимологической российской лексикон. М.: Императорский Московский университет.
- Георгий (Конисский, архиеп.)* (2004). О должностях пресвитеров приходских. М.: Сретенский монастырь.
- Гиббенет Н. А.* (1882). Историческое исследование дела Патриарха Никона. Ч. 1. СПб.: Тип-я Министерства внутренних дел.
- Гришин Е. С.* (2009). «Реформа» или «исправление»? К пониманию церковных изменений середины XVII в. // *Долбилов М., Rogozный П.* (ред.). Православие: Конфессия, институты, религиозность (XVII–XX вв.). СПб.: Изд-во ЕУСПб. С. 15–29.
- Горчаков М.* (1868). Монастырский приказ. СПб.: А. Траншель.
- Живов В. М.* (2012). Два этапа дисциплинарной революции в России XVII и XVIII столетия // *Cahiers du monde russe*. Т. 53. № 2–3. Р. 349–374.
- Кузнецов С. А.* (ред.). (2000). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт.
- Лихачев Д. С.* (ред.). (1979). Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Ленинград: Наука.
- Лютько Е.* (2019). Становление «церковной субъектности» в России на примере нормативных текстов о православном духовенстве (XVIII–XIX вв.) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. № 3. С. 237–252.
- Миронов Б. Н.* (2015). Российская империя: от традиции к модерну. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Петровский А. В.* (1911). Учительное известие при славянском Служебнике // Христианское чтение. Т. 235. Ч. 2. С. 552–572. Т. 236. Ч. 1. С. 917–936. Т. 236. Ч. 2. С. 1206–1221.
- Посошков И. Т.* (1937). Книга о скудости и богатстве. М.: Соцэкгиз.
- Розениток-Хюсси О.* (2002). Великие революции: автобиография западного человека. М.: ББИ.

- Ситников А. В. (2017). Методы изучения религии в социальной теории П. Бурдьё // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. № 17. С. 38–50.
- Скрипкина Е. В. (2014). Законодательная политика Алексея Михайловича в отношении русской православной церкви // Вестник Томского государственного университета. История. №. 1. С. 5–8.
- Служебник (1705). М.: Синодальная типография.
- Софроненко К. А. (ред.). (1957). Соборное уложение царя Алексея Михайловича. М.: Государственное издательство юридической литературы.
- Сперанский М. М. (ред.). (1830). Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г. Т. 1–45. СПб.
- Срезневский И. И. (1893). Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. Ч. 2. СПб.: Тип-я Императорской Академии наук.
- Стефанович П. С. (2002). Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М.: Индрик.
- Феофан (Прокопович), архиеп. (1725). Описание порядка держанного при погребении высокоослабных и вечнодостойнейших памяти всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великого. СПб.
- Черный А. И., свящ. (2018). «Новое богословие священства», или богословский антиклерикализм // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. №. 80. С. 52–63.
- Bellito C. M. (2009). Revisiting Ancient practices: Priestly training before Trent // *Begley R. B., Koterski J. W. (eds.). Medieval Education. N.Y.: Fordham University Press. P. 35–49.*
- Bourdieu P. (1971). Genèse et structure du champ religieux // *Revue française de sociologie. № 12. P. 295–334.*
- Boyle L. E. (1962). The Constitution «Cum ex eo» of Boniface VIII: Education of Parochial Clergy // *Mediaeval Studies. Vol. 24. P. 263–302.*
- Boyle L. E. (1985). The Fourth Lateran Council and Manuals of Popular Theology // *Hef-fernan T. J. (ed.). The Popular Literature of Medieval England. Knoxville: University of Tennessee Press. P. 30–43.*
- Boyle L. E. (1995). The Oculus Sacerdotis and some other works of William of Pagula // *Transactions of the Royal Historical Society. Vol. 5. P. 81–110.*
- Cantor N. F. (1994). The Gregorian World Revolution // *Cantor N. F. (ed.). The Civilization of the Middle Ages. N.Y.: Harper Collins. P. 243–276.*
- Cherniavsky M. (1961). Tsar and People: Studies in Russian myths. New Haven: Yale University Press.
- Cherniavsky M. (1966). The Old Believers and the New Religion // *Slavic Review. Vol. 25. № 1. P. 1–39.*

- Coulter D.* (2004). Church Reform and the «White Clergy» in Seventeenth-Century Russia // *Kotilaine J., Poe M.* (eds.). *Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia*. L.: Routledge. P. 182–208.
- Cushing K. G.* (1998). *Papacy and Law in the Gregorian Revolution: The Canonistic Work of Anselm of Lucca*. Oxford: Oxford University Press.
- Gorski Ph.* (2003). *The Disciplinary Revolution: Calvinism and the Rise of the State in Early Modern Europe*. Chicago: University of Chicago Press.
- Dianteill E.* (2004). Pierre Bourdieu and the Sociology of Religion: A Central and Peripheral Concern // *Swartz L. D., Zolberg V.* (eds.). *After Bourdieu*. Dordrecht: Springer. P. 65–85.
- Faivre A.* (1983). Clerc/laïc: histoire d'une frontière // *Revue des sciences religieuses*. Vol. 57. № 3. P. 195–220.
- Freeze G.* (1977). *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Cambridge: Harvard University Press.
- Freeze G.* (2014). *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton: Princeton University Press.
- Goering J. W.* (2010). Leonard E. Boyle and the Invention of Pastoralia // *Stansbury R. J.* (ed.). *A Companion to Pastoral Care in the Late Middle Ages (1200–1500)*. Leiden: Brill. P. 7–20.
- Grishin E.* (2017). *Becoming a Schismatic: The Concepts of the «Schism» and «Schismatic» in the Church and State Discourses of Seventeenth and Eighteenth-century Russia*. PhD Thesis. Kansas: University of Kansas.
- Haines R. M.* (1969). The Education of the English Clergy During the Later Middle Ages: Some Observations on the Operation of Pope Boniface VIII's Constitution Cum Ex Eo (1298) // *Canadian Journal of History*. № 4. P. 1–22.
- Hübner S. R.* (2005). *Der Klerus in der Gesellschaft des spätantiken Kleinasien*. München: Franz Steiner.
- Ladner G.* (1947). Aspects of Mediaeval thought on Church and State // *Review of Politics*. № 9. P. 403–422.
- Leyser K.* (1994). *Communications and Power in Medieval Europe: The Gregorian Revolution and beyond*. London: A&C Black.
- Lubac H. de.* (1949). *Corpus mysticum: l'eucharistie et l'Eglise au Moyen Age*. Paris: Aubier.
- Michels G. B.* (1999). *At War with the Church: Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia*. Stanford: Stanford University Press.
- Moore R. I.* (2000). *The First European Revolution, c. 970–1215*. Oxford: Blackwell.
- Morris C.* (1989). *The Papal Monarchy: The Western Church from 1050 to 1250*. Oxford: Clarendon Press.
- Raymond R. L.* (1906). The Genesis of the Corporation // *Harvard Law Review*. Vol. 19. № 5. P. 350–365.
- Rey T.* (2014). *Bourdieu on Religion: Imposing Faith and Legitimacy*. L.: Routledge.

- Rodes R. E. (1977). *Ecclesiastical Administration in Medieval England: The Anglo-Saxons to the Reformation*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
- Ryan J. J. (1984). Review: *Pastoral Care, Clerical Education and Canon Law, 1200–1400* by Leonard E. Boyle // *The Catholic Historical Review*. Vol. 70. № 1. P. 171–173.
- Shinners J. R. (1988). University Study Licenses and Clerical Education in the Diocese of Norwich, 1325–35 // *History of Education Quarterly*. Vol. 28 № 3. P. 387–410.
- Swanson R. N. (1999). *Angels Incarnate: Clergy and Masculinity from Gregorian Reform to Reformation* // Hadley D. (ed.). *Masculinity in Medieval Europe*. L.: Routledge. P. 170–187.
- Turner B. (2011). Pierre Bourdieu and the Sociology of Religion // Susen S., Turner B. (eds.). *The Legacy of Pierre Bourdieu: Critical Essays*. L.: Anthem Press. P. 223–246.
- Ullmann W. (1970). *The Growth of Papal Government in the Middle Ages: A Study of the Ideological Relation to Lay Power*. L.: Methuen.

Emergence of the Clerical Corporation in Western Europe (11–13th Centuries) and in Russia (17–18th Centuries)

Eugene Lyutko

Deacon, Visiting Fellow, Ecclesiastical Institutions Research Laboratory, St. Tikhon's Orthodox University
Address: Lihov per., 6, str. 1, Moscow, Russian Federation 127051
E-mail: e.i.lyutko@gmail.com

Traditional Christian confessions — for example, in Catholicism or in Orthodoxy — in scholarly literature, in modern legislation, or at the level of everyday consciousness, are understood primarily as clerical corporations. This corporate reading of modern Christianity also influences the understanding of the phenomenon of religion itself, as it happens, for example, in the famous essay on the “field of religion” by P. Bourdieu. This reading also determines the perception of Christianity as a historical phenomenon as well, which, within the framework of such a representation, appears as a corporation at every moment of its historical existence. This article argues that a “clerical corporation” is not a form of social organization that was originally inherent in Christianity, but a historical phenomenon that embraces various confessional contexts at different times. In particular, the emergence of a clerical corporation is fixed within the framework of an asynchronous comparative perspective relying on the examples of Western European Catholicism of the 11th — 13th centuries, and Russian Orthodoxy of the 17th — 18th centuries.

Keywords: clerical corporation, corporate shift, Gregorian reform, Synodal reform, Russian schism

References

- Adrianova-Perets V. (ed.) (1951) *Vremennik Ivana Timofeeva* [The Temporary of Ivan Timofeev], Moscow: USSR Academy of Sciences.
- Atnashev T., Velizhev M. (2015) Context is king: Dzhon Pokok-istorik politicheskikh iazykov [Context is Ling: John Pocock — Historian of Political Languages]. *New Literary Observer*, no 4, pp. 21–44.
- Barkhudarov S. (ed.) (1977) *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. Vyp. 4: G — D* [Dictionary of the Russian Language of the 11th — 17th Centuries, Vol. 4: G–D], Moscow: Nauka.

- Barkhudarov S. (ed.) (1979) *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. Vyp. 6: Zipun — lianuarii* [Dictionary of the Russian Language of the 11th — 17th centuries, Vol. 6: Zipun–lianuarii], Moscow: Nauka.
- Bazile M., Yurasov A. (eds.) (2018) *Stoglav: Test. Slovoukazatel* [Stoglav: Text. Index], Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
- Bellito C. M. (2009) Revisiting Ancient Practices: Priestly Training before Trent. *Medieval Education* (eds. R. B. Begley, J. W. Koterski), New York: Fordham University Press, pp. 35–49.
- Bezhanidze G. (2011) Predstavleniia o sakral'nosti tsarskoi vlasti v Russkoi Tserkvi v Novoe vremia [Representations of the Sacredness of Royal Power in the Russian Church in Modern Times]. *Russkoe bogoslovie: traditsiia i sovremennost'* [Russian Theology: Tradition and the Present], Moscow: St.Tikhon's Orthodox University, pp. 75–89.
- Birkin M. (2018) Printsipy formirovaniia identichnosti klira v traktate "O tserkovnykh sluzhbakh" Isidora Sevil'skogo [Principles of the Formation of Clerical Identity in Isidore's of Seville Treatise On Ecclesiastical Offices]. *St Tikhon's University Review. Series II: History. History of the Russian Orthodox Church*, no 83, pp. 26–47.
- Bourdieu P. (1971) Genèse et structure du champ religieux. *Revue française de sociologie*, no 12, pp. 295–334.
- Boyle L. E. (1962) The Constitution "Cum ex eo" of Boniface VIII: Education of Parochial Clergy. *Mediaeval Studies*, vol. 24, pp. 263–302.
- Boyle L. E. (1985) The Fourth Lateran Council and Manuals of Popular Theology. *The Popular Literature of Medieval England* (ed. T. J. Heffernan), Knoxville: University of Tennessee Press, pp. 30–43.
- Boyle L. E. (1995) The Oculus Sacerdotis and Some Other Works of William of Pagula. *Transactions of the Royal Historical Society*, no 5, pp. 81–110.
- Bourdieu P. (2005) Genesis i struktura polia religii [Genesis and Structure of the Field of Religion]. *Sotsial'noe prostranstvo: polia i praktiki* [Social Space: Fields and Practices], Saint Petersburg: Aleteya, pp. 7–74.
- Cantor N. (1994) The Gregorian World Revolution. *The Civilization of the Middle Ages* (ed. N. F. Cantor), New York: Harper Collins, pp. 243–276.
- Cherniavsky M. (1961) *Tsar and People: Studies in Russian Myths*, New Haven: Yale University Press.
- Cherniavsky M. (1966) The Old Believers and the New Religion. *Slavic Review*, no 25, pp. 1–39.
- Cherny A. (2018) "Novoe bogoslovie sviashchenstva", ili Bogoslovskii antiklerikalizm ["New Theology of the Priesthood"; or, Theological anticlericalism]. *St Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy*, no 80, pp. 52–63.
- Coulter D. (2004) Church Reform and the "White Clergy" in Seventeenth-Century Russia. *Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia* (eds. J. Kotilaine, M. Poe), London: Routledge, pp. 182–208.
- Cushing K. G. (1998) *Papacy and Law in the Gregorian Revolution: The Canonistic Work of Anselm of Lucca*, Oxford: Oxford University Press.
- Gorski Ph. (2003) *The Disciplinary Revolution: Calvinism and the Rise of the State in Early Modern Europe*, Chicago: University of Chicago Press.
- Dianteill E. (2004) Pierre Bourdieu and the Sociology of Religion: A Central and Peripheral Concern. *After Bourdieu* (eds. L. D. Swartz, V. Zolberg), Dordrecht: Springer, pp. 65–85.
- Faivre A. (1983) Clerc/laïc: histoire d'une frontière. *Revue des sciences religieuses*, vol. 57, no 3, pp. 195–220.
- Freeze G. (1977) *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*, Cambridge: Harvard University Press.
- Freeze G. (2014) *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*, Princeton: Princeton University Press.
- Gibbenet N. A. (1882) *Istoricheskoe issledovanie dela Patriarkha Nikona. T. 1* [Historical Study of the Case of Patriarch Nikon, Vol. 1], Saint Petersburg.
- Goering J. W. (2010) Leonard E. Boyle and the Invention of Pastoralia. *A Companion to Pastoral Care in the Late Middle Ages (1200–1500)* (ed. R. J. Stansbury), Leiden: Brill, pp. 7–20.
- Gorchakov M. (1868) *Monastyrskii prikaz* [Monastery Prikaz], Saint Petersburg.

- Grishin E. (2017) *Becoming a Schismatic: The Concepts of the "Schism" and "Schismatic" in the Church and State Discourses of Seventeenth and Eighteenth-Century Russia* (PhD Thesis), Kansas: University of Kansas.
- Grishin E. (2009) "Reforma" ili "ispravlenie"? K ponimaniu tserkovnykh izmenenii serediny XVII v. ["Reform" or "Correction"? Toward the Understanding of Church Changes in the Middle of the XVII Century]. *Pravoslavie: Konfessii, instituty, religioznost' (XVII–XX vv.)* [Orthodoxy: Confession, Institutions, Religiosity (17th — 20th Centuries)] (eds. M. Dolbilov, P. Rogoznyi), Saint Petersburg: European University Press, pp. 15–29.
- Haines R. M. (1969) The Education of the English Clergy During the Later Middle Ages: Some Observations on the Operation of Pope Boniface VIII's Constitution Cum Ex Eo (1298). *Canadian Journal of History*, no 4, pp. 1–22.
- Hübner S. R. (2005) *Der Klerus in der Gesellschaft des spätantiken Kleinasiens*, München: Franz Steiner.
- Konisky G. (2004) *O dolzhnostiakh presviterov prikhodskikh* [On the Duties of Parish Priests], Moscow: Sretensky Monastery.
- Ladner G. (1947) Aspects of Mediaeval Thought on Church and State. *Review of Politics*, no 9, pp. 403–422.
- Leyser K. (1994) *Communications and Power in Medieval Europe: The Gregorian Revolution and beyond*, London: A&C Black.
- Likhachev D. (ed.) (1979) *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* [Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky], Leningrad: Nauka.
- Lubac H. de (1949) *Corpus mysticum: l'eucharistie et l'Eglise au Moyen Age*, Paris: Aubier.
- Lyutko E. (2019) Stanovlenie "tserkovnoi subektnosti" v Rossii na primere normativnykh tekstov o pravoslavnom dukhovenstve (XVIII–XIX vv.) [Emergence of "Church Subjectivity" in Russia, Based on the Normative Texts about Orthodox Clergy (18th — 19th Centuries)]. *State, Religion and Church*, no 3, pp. 237–252.
- Michels G. B. (1999) *At War with the Church: Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia*, Stanford: Stanford University Press.
- Mironov B. N. (2015) *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: From Traditional to Modern Society], Saint Petersburg: Dmitry Bulanin.
- Moore R. I. (2000) *The First European Revolution, c. 970–1215*, Oxford: Blackwell.
- Morris C. (1989) *The Papal Monarchy: The Western Church from 1050 to 1250*, Oxford: Clarendon Press.
- Petrovsky A. (1911) Uchitel'noe izvestie pri slavianskom Sluzhebнике [Instructive Notification in the Slavonic Missal]. *Khristianskoe chtenie*, vol. 235, no 2, pp. 552–572; vol. 236, no 1, pp. 917–936; vol. 236, no 2, pp. 1206–1221.
- Pososhkov I. (1937) *Kniga o skudosti i bogatstve* [Book of Poverty and Wealth], Moscow.
- Prokopovich F. (1725) *Opisanie poriadka derzhannogo pri pogrebenii vysokoslavnyia i vechnodostoisheishia pamiati vsepresveteishago derzhavneishago Petra Velikogo* [Description of the Order Held during the Burial of the Highly Orthodox and Ever-Lasting Memory of the Most Blessed Sovereign Peter the Great], Saint Petersburg.
- Raymond R. L. (1906) The Genesis of the Corporation. *Harvard Law Review*, vol. 19, no 5, pp. 350–365.
- Rey T. (2014) *Bourdieu on Religion: Imposing Faith and Legitimacy*, London: Routledge.
- Rodes R. E. (1977) *Ecclesiastical Administration in Medieval England: The Anglo-Saxons to the Reformation*, Notre Dame: University of Notre Dame Press.
- Rosenstock-Huessy E. (2002) *Velikie revoliutsii: avtobiografiia zapadnogo cheloveka* [Out of Revolution: Autobiography of Western Man], Moscow: Biblical Theological Institute.
- Ryan J. J. (1984) Review: *Pastoral Care, Clerical Education and Canon Law, 1200–1400* by Leonard E. Boyle. *Catholic Historical Review*, vol. 70, no 1, pp. 171–173.
- Shinners J. R. (1988) University Study Licenses and Clerical Education in the Diocese of Norwich, 1325–35. *History of Education Quarterly*, vol. 28, no 3, pp. 387–410.
- Sitnikov A. (2017) Metody izucheniia religii v sotsial'noi teorii P. Burd'e [Approaches to the Study of Religion in Pierre Bourdieu's Social Theory]. *RUDN Journal of Sociology*, no 17, pp. 38–50.
- Skripkina E. (2014) Zakonodatel'naia politika Alekseia Mikhailovicha v otnoshenii russkoi pravoslavnoi tserkvi [Legislative Policy of Tsar Alexei Mikhailovich with Respect to Russian Orthodox Church]. *Tomsk State University Journal of History*, vol. 1, pp. 5–8.

- Sofronenko K. (ed.) (1957) *Sobornoe ulozhenie tsaria Alekseia Mikhailovicha* [The Council Code of Tsar Alexei Mikhailovich], Moscow: State Publishing House of Legal Literature.
- Sreznevsky I. (1893) *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka. T. 3. Chast 2* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language, Vol. 3, Part 2], Saint Petersburg.
- Stefanovich P. (2002) *Prihod i prihodskoe dukhovenstvo v Rossii v XVI–XVII vekakh* [Parish and Parish Clergy in Russia in the 16–17th Centuries], Moscow: Indrik.
- Swanson R. N. (1999) Angels Incarnate: Clergy and Masculinity from Gregorian Reform to Reformation. *Masculinity in Medieval Europe* (ed. D. Hadley), London: Routledge, pp. 170–187.
- Turner B. (2011) Pierre Bourdieu and the Sociology of Religion. *The Legacy of Pierre Bourdieu: Critical Essays* (ed. S. Susen, B. Turner), London: Anthem Press, pp. 223–246.
- Ullmann W. (1970) *The Growth of Papal Government in the Middle Ages: A Study of the Ideological Relation to Lay Power*, London: Methuen.
- Voskresensky N. (1945) *Zakonodatel'nye akty Petra I. T. 1* [Legislative Acts of Peter I, Vol. 1], Moscow: USSR Academy of Sciences.
- Zhivov V. (2012) Dva etapa distsiplinarnoi revoliutsii v Rossii XVII i XVIII stoletii [Two Stages of Disciplinary Revolution in Russia: The Seventeenth and Eighteenth Centuries]. *Cahiers du monde russe*, vol. 53, no 2–3, pp. 349–374.